

*Литературно-языковые проблемы
русской словесности XIX—XX вв.*

Батюшков о языковых проблемах своего времени

Традиционно Батюшков считается сентименталистом, одним из идеологов «нового слога». В сатире «Певец, или Певцы в Беседе славенороссов» (1813) он кратко и точно определил кредо этой школы: «Кто пишет так, как говорит, Кого читают дамы!» (Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. — М., 1989 — Т. 1. — С. 393. Далее — только том и стр.).

Считают, что Батюшков — один из поэтических наставников Пушкина — им же и был заслонен. Но кое в чем Батюшков превосходил гениального поэта. Это Батюшков уже в 1805 г. назвал девятнадцатое столетие «железным веком». Он первым проанализировал свой жизненный опыт как социально-историческую трагедию «лишнего человека» и первый описал раздвоенность человеческого существа: в нем два человека, один белый, другой черный, «оба человека живут в одном теле» («Чужое: мое сокровище!»). Уже в начале XIX в. он заметил в Москве черты «проклятого города»:

В ней честность с счастьем всегда почти бранится,
Порок здесь царствует, порок здесь властелин,
Он в лентах, в орденах повсюду ясно зрится,
Забыта честность, но фортуны милый сын,
Хоть плут, глупец, злодей, в богатстве утопает...

«Перевод 1-й сатиры Боало» (1, 345).

Батюшков был независим в своих суждениях и оценках, его сознание мало зависело от общественного мнения. Он благоразумно удалялся от света в свое вологодское поместье и здесь мыслил и творил совершенно свободно. Его мнение было равно авторитетно для шишковистов и карамзинистов. Языковые позиции Батюшкова легче выяснять в сравнении со взглядами Пушкина или в оценках Пушкина.

В 1814—1815 гг. юный Пушкин находился под сильным влиянием поэзии Батюшкова. В послании «К Батюшкову» (1814) он называет поэтического собрата «российским Парни», отмечает классическую стройность и гармоничность стиха: «... тебя молодой Назон, / Эрот и грации венчали, / А лиру строил Аполлон». Еще более полная характеристика батюшковской лиры дается в стихотворении «Тень Фонвизина» (1815). В «Городке», написанном в подражание «Моим пенатам» Батюшкова, снова упоминается Батюшков — «насмешник смелый».

Но в послании «Батюшкову» (1815) молодой поэт заявляет своему учителю: «Бреду своим путем: / Будь всякий при своем». Это выражение — цитата из послания Жуковского Батюшкову.

Однако Батюшков остается высшим авторитетом для Пушкина и позже. В 1828 г., возражая критику журнала «Атеней», упрекавшему Пушкина в неправильном употреблении формы род. п. множ. ч. от слова *время*, поэт цитатой из «Моих пенатов» Батюшкова доказывал, что в русском языке употребляются две формы: *времен и времена*.

Основная дискуссия начала XIX в. — полемика между карамзинистами и шишковистами о путях развития литературного языка. Творцы «нового слога» заявили себя как западники, шишковисты выступали со славянофильских позиций. Но реальное содержание дискуссии было богаче этой идеологической оппозиции. Отношение к старославянской традиции и народной словесности, к разговорной речи и западноевропейским заимствованиям, а также статус «легкой поэзии», судьба одического жанра, проблема языка науки — вот перечень тем, обсуждавшихся в литературных журналах.

Какова же позиция наших классиков в филологической полемике века?

Оба поэта считали, что в основе языковой эволюции — идея прогресса, зависимости языка от истории этноса: «... язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданскою образованностию...» (Батюшков. «Речь о влиянии легкой поэзии на язык»). Аналогичные идеи высказывает и Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова» (1825).

В «Видении на берегах Леты» (1809) Батюшков иронично оценивает претензии авторов начала XIX в. на долгую память у соотечественников. Забвения заслуживают, по его мнению, и «с Невы поэты росски» (деятели «Беседы»), и «лица новы / Из белокаменной Москвы» (карамзинисты). Зато высоко оценил заслуги Крылова (ср. еще в письме Гнедичу от 17 августа 1816 г.: «Его басни переживут века» — 2, 399), гений которого был бесспорен и для Пушкина. Батюшков воздал здесь должное трудолюбию Шишкова, а Пушкин, в свою очередь, заботился о переизданиях трудов старейшины архаистов.

Оба поэта — каждый порознь — замышляли обзорный труд по истории русской словесности, но успели только написать план задуманного сочинения. Батюшков собирался начать с эпохи создания славянской письменности, с первого перевода Библии на старославянский («славенский») язык, с установления различий между «славенским» и русским языками. Затем предполагалось показать влияние княжеских раздоров и татарщины, а в эпоху Петра — кризис проповеднической литературы на церковнославянском языке и активизацию переводческой деятельности. Любопытно, что в упомянутом нами отклике Пушкина на предисловие Лемонте конспективно охарактеризованы именно эти периоды.

Особо отмечается выдающаяся роль талантливых авторов в становлении национального литературного языка: «Великие писатели образуют язык; они дают ему некоторое направление, они оставляют на нем неизгладимую печать своего гения...» (Батюшков. «Ариост и Тасс»). В автографе рукописи о книге по истории

русской словесности возле имени Ломоносова Батюшков нарисовал солнце в лучах — такова выразительная оценка исключительного значения этого писателя в развитии отечественной литературы. Значение деятельности Ломоносова оба поэта характеризуют почти в одинаковых выражениях: «Он преобразовал язык наш, созидавая образцы во всех родах ... он создал ему красноречие и стихотворство... Сей великий образователь нашей словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и выражений» (Батюшков. «Речь о влиянии легкой поэзии на язык»); «Ломоносов утверждает правила общественного языка, дает законы и образцы классического красноречия ... открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» (Пушкин. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова»).

В процессе непрерывного развития русского языка и словесности, по мысли Батюшкова, обозначаются четыре сквозные проблемы: «действие иностранных языков на наш язык», эволюция лирической поэзии, воздействие философии и науки, «влияние церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие» (2, 44). Кстати, и Пушкин в своих планах создания истории словесности предполагал объединить два принципа изложения материала: хронологический и проблемный.

Интересно, что отношение к церковнославянскому наследию у этих авторов практически не менялось в течение их творческой жизни: не отрицая роли славянизмов, они стремились соблюсти середину — «подвиг воистину трудный!», как выразился Батюшков в письме к Н.И. Гнедичу 19 сентября 1809 г. Оба обратили внимание на непонятность церковнославянского языка для современников, на важность отбора поэтически выразительного непосредственно из библейских текстов. Именовали они архаистов тоже одинаково: «варварами» и «варягами», а слог их называли «варварским» и «варяжским».

Пространное изложение взглядов Батюшкова на старославянский язык содержится в письме Гнедичу от 28—29 октября 1816 г. в связи с реакцией поэта на «Рассуждение о славянских диалектах» М.Т. Каченовского. Каченовский утверждал, что чистый

старославянский язык вообще не существовал. Возражая ему, Батюшков пишет: «... каков Шишков с партией? Они влюблены были в Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары! они исказили язык наш славенцизною!». Не насыщение текста сверх меры архаикой, а «верх искусства — похищать древние слова и давать им место в нашем языке». Далее была выражена, причем впервые в XIX в., потребность в переводе Библии на живой русский язык: «Когда переведут Священное Писание на язык человеческий?» (2, 410).

Язык литературы подвижен и изменчив, поэтому объединение разнородных элементов в тексте должно производить, по мысли Пушкина, по принципу «соразмерности и сообразности» (1828). Сравним изложение той же мысли у Батюшкова в статье «Ариост и Тасс» (1815) с помощью прекрасных стихов Ломоносова, где Батюшков подчеркивает несколько слов:

Иный, от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и *стонет* под конем;
Иный пронзен, *угас*, противника сражая;
Иный врага поверг и *умер* сам на нем.

Заметим мимоходом для стихотворцев, какую силу получают самые обыкновенные слова, когда они поставлены на своем месте» (1, 127).

Необходимыми качествами поэтического языка Батюшков считал мягкость, гармонию, музыкальность, и эти особенности батюшковского слога Пушкин объяснял влиянием французского поэта Парни. Любимый труд Батюшкова — элегия «Таврида» была высоко оценена Пушкиным: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова». А вот какие строки этой элегии Пушкин считал образцовыми:

Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,

Иль, урну хладную врапая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки.

Каковы же, по мнению обоих поэтов, главные источники развития литературного языка и кладези поэтического вдохновения?

Первое — это фольклор: «Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца; в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музыки» (Батюшков. «Вечер у Кантемира», 1816); «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (Пушкин. «Опровержение на критики», 1830).

Второй источник — разговорная речь: «Я первый осмелился писать так, как говорят; я первый изгнал из языка нашего грубые слова славянские, чужестранные, не свойственные языку русскому...» (Батюшков. «Вечер у Кантемира»); «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» (Пушкин. «О поэтическом слоге», 1828). С учетом свойств народной речи отбираются в текст выразительные церковнославянизмы и заимствования, изгоняются обветшалые и маловыразительные элементы.

О фольклорных элементах в творчестве Пушкина написано много. И Батюшков собирался писать о Рюрике («он сидит у меня в голове и в сердце»), входила в его творческие планы обработка русских сказок («когда-нибудь и за это возьмусь»), на материале исторических преданий и народной поэзии он составил план поэмы «Русалка», но не успел ее написать (2, 438, 439, 56–58). В письмах друзьям он с удовольствием использует пословицы и диалектные речения.

Поэт строго относился к показному патриотизму и осудил его в сатире «Истинный патриот»:

«О хлеб-соль русская! о прадед Филарет!
О милые останки,
Упрямство дедушки и фerezи прабабки!

Без вас спасенья нет!

А вы, а вы забыты нами!» —

Вчера горланил Фирс с гостями

И, сидя у меня за лакомым столом,

В восторге пламенном, как истый витязь русский,

Съел соус, съел другой, а там сальмис французский,

А там шампанского хлебнул с бутылку он,

А там ... подвинул стул и сел играть в бостон.

(1, 382).

Батюшков не одобрял и другой крайности, которой грешили авторы «нового слога» — воспевание кладбищ, мавзолеев, Зюльмисы и Хлои, голубков и овечек, о чем он иронично писал в «Видении на берегах Леты».

Объем литературного языка, как и сферы его употребления, наши классики представляли шире, чем их современники. Уже в 1814 г. Батюшков отмечает неразработанность научно-популярной прозы («Прогулка в Академию художеств»), а вот мнение о том же Пушкина: «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует...» («О причинах, замедливших ход нашей словесности», 1824). Здесь же ученик дал оценку и своему учителю: «Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского...».

Взгляды Батюшкова на состояние языка и словесности своего времени — это микромодель поэтической концепции Пушкина: совпадают перечень проблем и даже содержание конкретных рассуждений. Единственно, что не успел сделать Батюшков, — дать образцы нового литературного языка во всех жанрах литературы. Но и то, что успел, позволило И.С. Тургеневу сказать в 1880 г. при открытии памятника А.С. Пушкину похвальные слова пушкинскому предтече: «Батюшков смутно предчувствовал, что иные его стихи и обороты будут называться пушкинскими, хотя и явились раньше пушкинских».

Как поэт, Батюшков был близок к пушкинской мере идеального. Об этом свидетельствуют замечания самого Пушкина на

вторую часть «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (1817). Этот разбор Пушкин проводил для себя, публиковать его не собирался. Всего он рассмотрел 48 произведений: 11 стихотворений признал неудачными, в восемнадцати оценил отдельные строчки, зато 19 признаны лучшими сочинениями: «прелесть»; «прелесть и совершенство»; «прекрасно»; «замечательно»; «превосходно»; «одно из лучших».

Таков спектр пушкинских оценок стихов Батюшкова. Общий итог — в пользу поэтического наставника и учителя в вопросах филологии.